

Внезапная тревожность омег перед течкой — довольно распространённое явление. Тун Цинхэ так долго готовился к этому первому течке, но теперь, когда момент настал, то, чего он так ждал, неожиданно задерживалось. Чем тщательнее он готовился, тем больше задержка его беспокоила.

Обычно невозмутимый и спокойный маленький омега, стоило ему поймать своего альфу свободным дома, тут же следовал за ним по пятам, с бесстрашным выражением лица, готовый быть помеченным и отдаться в любой момент.

Цзян Шаочжи это уже немного раздражало.

От безысходности он мог только потворствовать ему.

Дома было много запасных лекарств и инструментов. Тун Цинхэ регулярно, утром и вечером, использовал измерительный прибор, чтобы проверить показатели своего тела. Он относился к этому делу так же серьёзно и ответственно, как к своим занятиям.

Несколько листов формата А4 содержали данные его проверок за несколько дней. Тун Цинхэ провёл сравнение по горизонтали и вертикали. Результат был таков: его тело пока в норме.

Цзян Шаочжи молча наблюдал за ним. Чтобы облегчить его тревогу, он каждый день выпускал Цюн-ци, чтобы тот играл с Тун Цинхэ.

Омеги, как правило, любят животных, и Тун Цинхэ не был исключением, особенно когда речь шла о внушительном «большом коте».

Внушительный «большой кот» специально шалил и ласкался. Этот контраст был неотразим. Тун Цинхэ был нежным и добродушным, позволяя ему резвиться, и ежедневно отвлекался на общение с ним.

Цзян Шаочжи провёл всё утро за видеоконференциями, планируя задания в своём кабинете. Погода сегодня была облачной, ветер приятный и прохладный. Приподнятая штора открывала вид на уголок сада внизу, где иногда можно было увидеть зад Цюн-ци с длинным, колеблющимся хвостом во время бега.

Цзян Шаочжи подошёл к окну. Снаружи было достаточно светло. Сад стал игровой площадкой для омеги и свирепого зверя.

Цюн-ци нёс Тун Цинхэ на спине, прыгая и ловя бабочек. Маленький омега крепко прижимался, его тело подпрыгивало вверх-вниз вместе с прыжками Цюн-ци. Боясь упасть, он вынужден был крепко обхватить шею Цюн-ци и ухватиться за мех на его шее.

Цзян Шаочжи молча наблюдал некоторое время. В его обычно спокойном сердце проснулась

нежность.

Суровый воин, проявляющий нежность. Лёгкий аромат сандала плыл из окна в сад. Цюн-ци резвился ещё веселее.

Сандал рассеивался по саду. Тун Цинхэ почувствовал влияние этих феромонов и медленно покраснел.

Его взгляд встретился со взглядом, брошенным со стороны кабинета. Рука, сжимавшая мех Цюн-ци, резко изменила положение. Он обхватил и погладил маленькие коричневые треугольные уши Цюн-ци, затем потрогал его рот и нос. Наконец, обе руки забрались между сложенными крыльями Цюн-ци, нащупав подмышки, и он попытался пощекотать.

Бедный свирепый зверь уже собирался облететь сад со своим маленьким омегой. Он уже приготовился к взлёту, но две руки без предупреждения начали его щекотать. Огромное тело «большого кота» неуклюже пошатнулось в воздухе и криво приземлилось обратно на лужайку, наглотавшись травы.

Цзян Шаочжи напряг свой рельефный подбородок и слегка нахмурился.

Тун Цинхэ обнял Цюн-ци и глупо смеялся. Редко он проявлял такую живость и озорство, намеренно противодействуя альфе, который соблазнял его феромонами.

— Больно тебе?

Тун Цинхэ поднял подбородок свирепого зверя. Цюн-ци вздрогнул всем телом, низко и приглушённо заскулил. Он сдерживал свою силу, осторожно положив подбородок на плечо омеги, боясь его раздавить. Он позволял Тун Цинхэ собой управлять, сложил передние лапы и лёг лицом к Тун Цинхэ на лужайке, непрерывно фыркая в сторону кабинета.

Аромат сандала, сплетённый в тонкую сеть, постепенно рассеялся. Это была всего лишь маленькая, обыденная уловка альфы, чтобы заигрывать со своим омегой.

Цзян Шаочжи не мог сказать много красивых слов, но он мог управлять феромонами, как хотел, и знал, как использовать феромоны, чтобы контролировать эмоции.

Он чётко выдерживал дистанцию. Он избегал слишком сильного возбуждения Тун Цинхэ феромонами, но в то же время дразнил его. Он переходил черту, а затем незаметно отступал, чтобы не спровоцировать течку у омеги.

С момента предполагаемой даты прошло уже почти неделя. В теле Тун Цинхэ не было никаких изменений, что доводило его до исступления.

Цзян Шаочжи взял своего встревоженного маленького омегу на колени:

— Не волнуйся.

Тун Цинхэ печально поджал губы:

— Дядя, может, у меня недоразвитие, поэтому течка задерживается?

Цзян Шаочжи обнял его за плечи:

— Не торопись. Мы будем ждать.

— Но, — Тун Цинхэ чувствовал вину, — мы ждём уже очень долго.

Из-за того, что он ждал вместе с ним, Цзян Шаочжи несколько дней подряд не выходил из дома. Государственные дела он решал в кабинете через видеоконференции. Если ему нужно было куда-то выйти, он возвращался через час или два.

Они почти не расставались. Тун Цинхэ чувствовал, что задерживает Цзян Шаочжи во многих делах.

— Дядя, почему бы тебе не выпустить феромоны, чтобы стимулировать меня? Может быть...

Цзян Шаочжи неодобрительно сказал:

— Что за глупости.

Он взял книгу, лежавшую на столе. Это были книги, которые Тун Цинхэ купил в интернете, с подробным анализом тонкой и загадочной физиологии омег.

В книгах по физиологии омег говорилось, что из-за различий в телосложении у некоторых людей течка может задерживаться примерно на месяц по сравнению с обычным сроком.

Цзян Шаочжи листал страницы, читая вместе с Тун Цинхэ подробности о физиологии омег.

Если альфа совершает связывание в теле омеги во время гона, и не предпринимаются меры предосторожности, существует высокая вероятность беременности омеги. А полная метка омеги означала, что альфа должен совершить связывание в момент, когда омега полностью раскрыт.

Тун Цинхэ и Цзян Шаочжи в унисон посмотрели на эту страницу. Он прикрыл ладонью низ живота и неестественно опустил голову.

Цзян Шаочжи прочистил горло. Между ними витала неловкая, тонкая атмосфера.

Вечером они по-прежнему спали в разных комнатах. Тун Цинхэ с тревогой смотрел в тёмный потолок. Внутри него разгорался некий невыразимый огонь. Он взял свою подушку, босиком, потихоньку пробрался в гостевую комнату, дверь которой не была полностью заперта.

В полумраке Тун Цинхэ залез в объятия Цзян Шаочжи и высказал своё беспокойство.

— Дядя, пока течка не начнётся, моё сердце не успокоится. Ты, ты можешь просто обнять меня?

Если так пойдёт и дальше, Цзян Шаочжи вполне обоснованно опасался, что у его маленького омеги разовьётся пред-течковая депрессия.

Альфа мог разработать несколько тщательных и полных планов для боевых задач, но сейчас он был беспомощен. Ему оставалось только удовлетворить просьбу маленького омеги и крепко обнять его перед сном.

Первая ночь, когда Тун Цинхэ спал в одной постели с Цзян Шаочжи после их совместной жизни, оказалась неожиданно эффективной.

Тун Цинхэ проснулся рано утром и проверил своё тело измерительным прибором. Результаты были не только нормальными, но и он чувствовал себя сегодня намного лучше. Он потрогал своё сердце — оно билось ровно. Он был бодрым, вся тревога и раздражение последних дней как рукой сняло.

Тун Цинхэ радостно побежал вниз, намереваясь поделиться этой хорошей новостью с Цзян Шаочжи.

Гостиная была пуста. Через окно Тун Цинхэ увидел внизу припаркованный военный броневик.

Открыв входную дверь, он увидел, что Цзян Шаочжи разговаривает с офицером. Оба посмотрели на него. Они обсуждали серьёзные дела, и Тун Цинхэ не стал вмешиваться.

Десять минут спустя офицер сел в машину. Цзян Шаочжи подошёл к Тун Цинхэ и вернул его в дом:

— Сегодня президент встречается с главой планеты М1. Мне нужно присутствовать на этом планетарном совете. Вероятно, я вернусь не раньше вечера.

На столе стоял горячий завтрак. Цзян Шаочжи протянул Тун Цинхэ тёплое молоко:

— Если что, пришли мне сообщение, — сказав это, он оторвал стикер и написал на нём номер.

— Человек на другом конце — один из моих доверенных лиц. Если не сможешь связаться со мной, позвони по этому номеру. Он немедленно приедет за тобой. Понял?

Тун Цинхэ принял стикер, осторожно сложил его и сунул в карман брюк:

— Дядя, не волнуйся. Сегодня я буду в кабинете перерабатывать диссертацию и никуда не пойду.

Его янтарные глаза сверкнули улыбкой:

— Я сегодня совсем не чувствую тревоги. Может быть, все симптомы исчезли. Дядя, не волнуйся и иди работать. — Он с любопытством спросил: — Я смогу увидеть тебя в прямом эфире федеральных новостей?

Этот планетарный совет транслировался в прямом эфире на официальной федеральной платформе. Цзян Шаочжи сказал:

— Совет будет довольно скучным.

Тун Цинхэ улыбнулся:

— Ничего.

Он включил большой экран в гостиной и попросил Цзян Шаочжи настроить его на канал прямой трансляции.

После завтрака Тун Цинхэ проводил Цзян Шаочжи до двери. Только когда военный броневик, подвозивший его, скрылся из виду, он вернулся в гостиную, взглянул на канал, но не выключил экран. Он отправился в кабинет, чтобы переработать свою диссертацию.

Тун Цинхэ был сегодня особенно расслаблен. Процесс редактирования диссертации шёл быстрее, чем он планировал.

Потратив всё утро, он отправил исправленную диссертацию на электронную почту профессора, а затем прислонился к ковру, наслаждаясь солнечным светом. Незаметно для себя он свернулся калачиком в углу кабинета и уснул.

Он проспал час. Проснувшись, он понял, что ещё рано. Тун Цинхэ почувствовал, что слишком долго пробыл на солнце. Его тело слегка горело, и кожа была липкой от пота.

Он пошёл в ванную в спальне, чтобы смыть пот со спины. Температура воды была подходящей, но в сочетании с температурой его тела медленно начала повышаться. Менее чем через пять минут Тун Цинхэ открыл дверь ванной. Поднимающийся пар вызвал у него дискомфорт, граничащий с удушьем.

Он небрежно бросил сменную одежду в корзину для белья и, ступая мокрыми ногами, оставил ряд следов на полу, которые вели к лестнице. Он собирался спуститься в гостиную, чтобы налить себе холодный напиток.

Тун Цинхэ спускался по ступенькам, когда внезапно пошатнулся.

Он подумал, что его ослепило солнце, и опёрся одной рукой на перила, намереваясь вернуться в главную спальню, чтобы немного отдохнуть.

В тот момент, когда он повернулся спиной, он моргнул. Сетчатка стала смутно серой, уши внезапно перестали воспринимать внешние звуки. Всё было неясным, он не мог ничего слышать. Глаза были будто покрыты серовато-белой пеленой, и он не мог видеть ясно.

Горячее тело наклонилось в сторону лестницы. Он прокатился несколько ступеней, пока не остановился на полу у лестницы в гостиной. Ударившись затылком, Тун Цинхэ впал в состояние полусознания и полубодствования.

Его рука, бессильно свисавшая сбоку, сжалась. Тун Цинхэ наконец осознал: у него, вероятно, началась течка .

Первая течка, которую он так усердно ждал, но которая не наступала.

Первая течка после совершеннолетия. Тун Цинхэ смутно почувствовал, что в области железы на его шее выделяется лёгкая влага.

В этот момент на большом экране в гостиной транслировалось заседание глав планет. Вспыхивающие и исчезающие новостные сообщения с перебоями доносились до его ушей. Движущаяся камера на десять секунд остановилась на лице Цзян Шаочжи, присутствовавшего на заседании.

Цзян Шаочжи был одет в торжественную и строгую военную форму, его брови были густыми, глаза глубокими. Он выглядел сурово и серьёзно. Только Тун Цинхэ знал, насколько нежным и сдержанным был его дядя в уединении. Он облизал пересохшие губы. Из-за головокружения он не мог встать.

— Дядя...